

Н. ГОГОЛЬ

МОСКВА
БЕРЛИНЪ
922

ВЕЛИКОН

Ъ

Эта книга
отпечатана въ Берлинѣ
въ апрѣль 1922 года
въ типографіи Sinaburg & Co. G. m. b. H.
для книгоиздательства
„ГЕЛИКОНЪ“
Сто нумерованныхъ экземпляровъ
оттиснуты на особой бумагѣ и переплетены
Обложку рѣзалъ на деревѣ
В. Масютинъ

НОСТЬ
ПОВѢСТЕ
Н.ГОГОЛЯ

РИСУНКИ
В.МАСЮТИНА

МОСКВА / БЕЛАРУСЬ

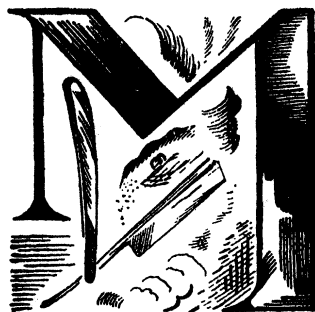
ГЕЛИКОНЪ

1 9 2 2

Н О С Ъ

I

АРТА 25-го числа случилось въ Петербургѣ необыкновенно странное происшествіе. Цырюльникъ Иванъ Яковлевичъ, живущій на Вознесенскомъ проспектѣ (фамилія его утрачена, и даже на вывѣскѣ его, — гдѣ изображенъ господинъ съ намыленной щекою и надписью: „И кровь отворяють“, — не выставлено ничего болѣе), цырюльникъ Иванъ Яковлевичъ

проснулся довольно рано и услышалъ запахъ горячаго хлѣба. Приподнявшись немного на кровати, онъ увидѣлъ, что супруга его, довольно почтенная дама, очень любившая пить кофе, вынимала изъ печи только-что испеченные хлѣбы.

„Сегодня я, Прасковья Осиповна, не буду пить кофію“, сказалъ Иванъ Яковлевичъ: „а вмѣсто того хочется мнѣ съѣсть горячаго хлѣбца съ лукомъ“. (То-есть, Иванъ Яковлевичъ хотѣлъ бы и того, и другого, но зналъ, что было совершенно невозможно требовать двухъ вещей разомъ, ибо Прасковья Осиповна очень не любила такихъ прихотей). „Пусть, дуракъ, ѣсть хлѣбъ, мнѣ же лучше“, подумала про себя супруга: „останется кофею лишняя порція“, и бросила одинъ хлѣбъ на столъ.

Иванъ Яковлевичъ для приличія надѣлъ сверхъ рубашки фракъ и, усѣвшись передъ столомъ, насыпалъ соль, приготовилъ двѣ головки луку, взялъ въ руки ножъ и, сдѣлавши значительную мину, принялся рѣзать хлѣбъ. Разрѣзавши хлѣбъ на двѣ половины, онъ поглядѣлъ въ середину — и, къ удивленію своему, увидѣлъ что-то бѣлѣвшееся. Иванъ Яковлевичъ ковырнулъ осторожно ножомъ и пощупалъ пальцемъ: „Плотное!“ сказалъ онъ самъ про себя: „что бы это такое было?“

Онъ засунулъ пальцы и вытащилъ — носъ!.. Иванъ Яковлевичъ и руки опустилъ; сталъ протирать глаза и щупать: носъ, точно, носъ! и еще, казалось, какъ будто чей-то знакомый. Ужасъ изобразился на лицѣ Ивана Яковлевича. Но этотъ ужасъ былъ ничто противъ негодованія, которое овладѣло его супругою.

„Гдѣ это ты, звѣрь, отрѣзаль носъ?“ закричала она съ гнѣвомъ. „Мошеникъ! пьяница! я сама на тебя донесу полиціи. Разбойникъ какой! Вотъ ужъ я отъ трехъ человекъ слышала, что ты во время бритья такъ теребишь за носы, что еле держатся“.

Но Иванъ Яковлевичъ былъ ни живъ, ни мертвъ: онъ

узналъ, что этотъ носъ былъ не чей другой, какъ коллежскаго ассессора Ковалева, котораго онъ брилъ каждую среду и воскресенье.

„Стой, Прасковья Осиповна! Я заверну его въ тряпочку и положу въ уголокъ: пусть тамъ маленечко полежить; а послѣ его вынесу“.

„И слушать не хочу! Чтобы я позволила у себя въ комнатѣ лежать отрѣзанному носу! . . . Сухарь поджаристый! знай умѣть только бритвой возить по ремню, а долга своего скоро совсѣмъ не въ состояніи будетъ исполнять, потаскушка, негодяй! Чтобы я стала за тебя отвѣчать полиціи? . . . Ахъ ты пачкунъ, бревно глупое! Вонъ его! вонъ! Неси, куда хочешь! чтобы я духу его не слыхала!“

Иванъ Яковлевичъ стоялъ совершенно какъ убитый. Онъ думалъ, думалъ — и не зналъ, что подумать. „Чортъ его знаетъ, какъ это сдѣлалось“, сказалъ онъ, наконецъ, почесавъ рукою за — оми: „пьянъ ли я вчера возвратился, или нѣтъ, ужъ навѣрное сказать не могу. А по всѣмъ примѣтамъ, должно-быть, происшествіе несбыточное, ибо хлѣбъ — дѣло печеное, а носъ совсѣмъ не то. Ничего не разберу!“ Иванъ Яковлевичъ замолчалъ. Мысль о томъ, что полицейскіе отыщутъ у него носъ и обвинять его, привела его въ совершенное безпамятство. Уже ему мерещился алый воротникъ, красиво вышитый серебромъ, шпага . . . и онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Наконецъ, досталъ онъ свое исподнее платье и сапоги, натащилъ на себя всю эту дрянь и, сопровождаемый нелегкими увѣщаніями Прасковьи Осиповны, завернулъ носъ въ тряпку и вышелъ на ули—.

Онъ хотѣлъ его куда-нибудь подsunуть: или въ тумбу подъ воротами, или такъ какъ-нибудь нечаянно выронить, да

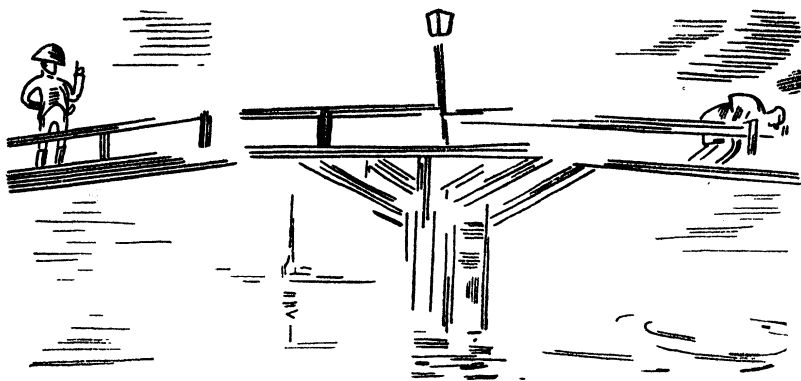

и повернуть въ переулокъ. Но, на бѣду, ему попадался какой-нибудь знакомый человѣкъ, который начиналъ тотчасъ запросомъ: „Куда идешь?“ или: „Кого такъ рано собрался брить?“ такъ что Иванъ Яковлевичъ никакъ не могъ улучить минуты. Въ другой разъ онъ уже совсѣмъ уронилъ его; но будочникъ еще издали указалъ ему алебардою, примолвивъ: „подыми, вонъ ты что-то уронилъ!“ и Иванъ Яковлевичъ долженъ былъ поднять носъ и спрятать его въ карманъ. Отчаяніе овладѣло имъ, тѣмъ болѣе, что народъ безпрестанно умножался на улицѣ, по мѣрѣ того, какъ начали отпираться магазины и лавочки.

Онъ рѣшился идти къ Исаакіевскому мосту: не удастся ли какъ-нибудь швырнуть его въ Неву?.. Но я нѣсколько виноватъ, что до сихъ поръ не сказалъ ничего объ Иванѣ Яковлевичѣ, человѣкѣ почтенномъ во многихъ отношеніяхъ.

Иванъ Яковлевичъ, какъ всякій порядочный русскій мастеровой, былъ пьяница страшный, и хотя каждый день брилъ чужіе подбородки, но его собственный былъ у него

вѣчно небрить. Фракъ у Ивана Яковлевича (Иванъ Яковлевичъ никогда не ходилъ въ сюртукъ) былъ пѣгій, то-есть, онъ былъ черный, но весь въ коричнево-желтыхъ и сѣрыхъ яблосахъ; воротникъ лоснился; а вмѣсто трехъ пуговиць висѣли однѣ только ниточки. Иванъ Яковлевичъ былъ большой циникъ, и когда коллежскій ассессоръ Ковалевъ обыкно-

венно говорилъ ему во время бритья: „у тебя, Иванъ Яковлевичъ, вѣчно воняють руки!“ то Иванъ Яковлевичъ отвѣчалъ на это вопросомъ: „Отчего-жъ бы имъ вонять?“ — „Не знаю братецъ, только воняють“, говорилъ коллежскій ассессоръ, и Иванъ Яковлевичъ, понюхавши табаку, мылилъ ему за это и на щекѣ, и подъ носомъ, и за ухомъ, и подъ бороδοю — однимъ словомъ, гдѣ только ему была охота.

Этотъ почтенный гражданинъ находился уже на Исакиевскомъ мосту. Онъ прежде всего осмотрѣлся, потомъ нагнулся на перила, будто бы посмотрѣть подъ мостъ, много ли рыбы бѣгаетъ, и швырнулъ потихоньку тряпку съ носомъ.

Онъ почувствовалъ, какъ будто бы съ него разомъ свалилось десять пудовъ. Иванъ Яковлевичъ даже усмѣхнулся. Въмѣсто того, чтобы идти брить чиновничьи подбородки, онъ отправился въ заведеніе съ надписью: „Кушанье и чай“, спросить стаканъ пуншу, какъ вдругъ замѣтилъ въ концѣ моста квартальнаго надзирателя, благородной наружности, съ широкими бакенбардами, въ треугольной шляпѣ, со шпагою. Онъ обмеръ; а между тѣмъ квартальный киваль ему пальцемъ и говорилъ: „А подойди сюда, любезный!“

Иванъ Яковлевичъ, зная форму, снялъ издали еще картузь и, подошедши проворно, сказалъ: „Желаю здравія вашему благородію!“

„Нѣтъ, нѣтъ, братецъ, не благородію, — скажи-ка: что ты тамъ дѣлалъ, стоя на мосту?“

„Ей-Богу, сударь, ходилъ брить, да посмотрѣлъ только, шибко ли рѣзка идетъ“.

„Врешь, врешь! Этимъ не отдѣлаешься. Изволь-ка отвѣчать!“

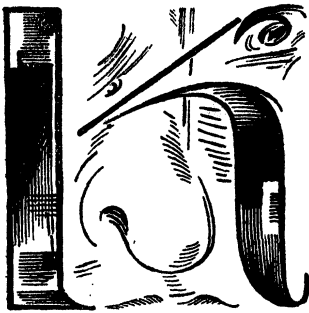
„Я вашу милость два раза въ недѣлю, или даже три, готовъ брить безъ всякаго прекословія“, отвѣчалъ Иванъ Яковлевичъ.

„Нѣтъ, пріятель, это пустяки! Меня три цырюльника бреютъ, да еще и за большую честь почитаютъ. А вотъ изволь-ка рассказать, что ты тамъ дѣлалъ?“

Иванъ Яковлевичъ поблѣднѣлъ. . . Но здѣсь происшествіе совершенно закрывается туманомъ, и что далѣе произошло, рѣшительно ничего не извѣстно.

II

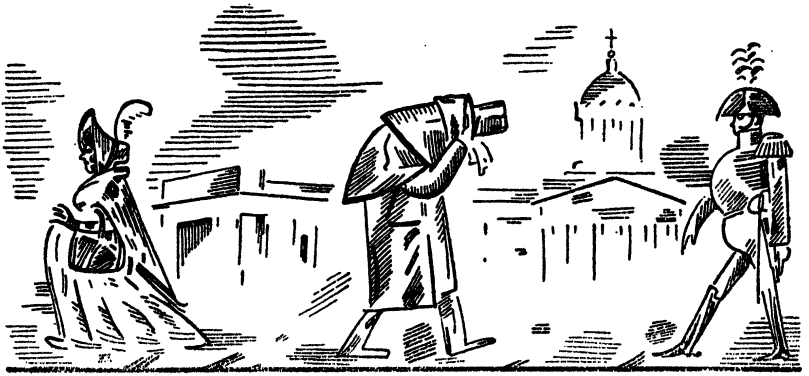
КОЛЛЕЖСКИЙ ассессоръ Ковалевъ проснулся довольно рано и сдѣлалъ губами: „брр“... — что всегда онъ дѣлалъ, когда просыпался, хотя и самъ не могъ растолковать, по какой причинѣ. Ковалевъ потянулся, приказалъ себѣ подать небольшое, стоявшее на столѣ, зеркало. Онъ хотѣлъ взглянуть на прыщикъ, который вчерашнимъ вечеромъ вскочилъ у него на носу; но, къ величайшему изумленію, увидѣлъ, что у него, вмѣсто носа, совершенно гладкое мѣсто! Испугавшись, Ковалевъ велѣлъ подать воды и протеръ полотенцемъ глаза: точно, нѣтъ носа! Онъ началъ щупать рукою, ущипнулъ себя, чтобы узнать, не спитъ ли онъ: кажется, не спитъ. Коллежскій ассессоръ Ковалевъ вскочилъ съ кровати, встряхнулся, — все нѣтъ носа!.. Онъ велѣлъ тотчасъ подать себѣ одѣться и полетѣлъ прямо къ оберъ-полицеймейстеру.

Но между тѣмъ необходимо сказать что-нибудь о Ковалевѣ, чтобы читатель могъ видѣть, какого рода былъ этотъ

коллежскій ассессоръ. Коллежскихъ ассессоровъ, которые получаютъ это званіе съ помощью ученыхъ аттестатовъ, никакъ нельзя сравнивать съ тѣми коллежскими ассессорами, которые дѣлались на Кавказѣ. Это два совершенно особенные рода. Ученые коллежскіе ассессора... Но Россія такая чудная земля, что если скажешь что-нибудь объ одномъ коллежскомъ ассессорѣ, то всѣ коллежскіе ассессора, отъ Риги до Камчатки, непременно примуть на свой счетъ; то же разумѣй и о всѣхъ званіяхъ и чинахъ. Ковалевъ былъ кавказскій коллежскій ассессоръ. Онъ два года только еще состоялъ въ этомъ званіи и потому ни на минуту не могъ его позабыть; а чтобы еще болѣе придать себѣ благородства и вѣса, онъ никогда не называлъ себя просто коллежскимъ ассессоромъ, но всегда маіоромъ. „Послушай, голубушка“, говорилъ онъ обыкновенно, встрѣтивши на улицѣ бабу, продававшую манишки: „ты приходи ко мнѣ на домъ; квартира моя по Садовой; спроси только: здѣсь живетъ маіоръ Ковалевъ? — тебѣ всякій покажетъ“. Если же встрѣчалъ какую-нибудь смазливенькую, то давалъ ей сверхъ того секретное приказаніе, прибавляя: „Ты спроси, душенька, квартиру маіора Ковалева“. По этому-то самому и мы будемъ впередъ этого коллежскаго ассессора называть маіоромъ.

Маіоръ Ковалевъ имѣлъ обыкновеніе каждый день прохаживаться по Невскому проспекту. Воротничокъ его манишки былъ всегда чрезвычайно чистъ и накрахмалень. Бакенбарды у него были такого рода, какія и теперь еще можно видѣть у губернскихъ и уѣздныхъ землемѣровъ, у архитекторовъ и полковыхъ докторовъ, также у отправляющихъ разныя обязанности и, вообще, у всѣхъ тѣхъ мужей, которые имѣютъ полныя, румяныя щеки и очень хорошо

играють въ бостонъ: эти бакенбарды идутъ по самой срединѣ щеки и прямёхонько доходятъ до носа. Маіоръ Ковалевъ носилъ множество печатокъ сердоликовыхъ — и съ гербами, и такихъ, на которыхъ было вырѣзано: среда, четвергъ, понедѣльникъ и проч. Маіоръ Ковалевъ пріѣхалъ въ Петербургъ по надобности, а именно — искать приличнаго своему званію мѣста: если удастся, то вице-губернаторскаго, а не то — экзекуторскаго въ какомъ-нибудь видномъ департаментѣ. Маіоръ Ковалевъ былъ не прочь и жениться, но только въ такомъ случаѣ, когда за невѣстою случится двѣсти тысячъ капитала. И потому читатель теперь можетъ судить самъ, каково было положеніе этого маіора, когда онъ увидѣлъ, вмѣсто довольно недурного умѣреннаго носа, преглупое, ровное и гладкое мѣсто.

Какъ на бѣду, ни одинъ извозчикъ не показывался на улицѣ, и онъ долженъ былъ идти пѣшкомъ, закутавшись въ свой плащъ и закрывши платкомъ лицо, показывая видъ, какъ будто у него шла кровь. „Но авось-либо мнѣ такъ

представилось: не можетъ быть, чтобы носъ пропалъ сдуру“, подумалъ онъ и зашелъ въ кондитерскую нарочно съ тѣмъ, чтобы посмотреть въ зеркало. Къ счастью, въ кондитерской никого не было: мальчишки мели комнаты и разставляли стулья; нѣкоторые съ сонными глазами выносили на подносахъ горячіе пирожки; на столахъ и стульяхъ валялись залитыя кофеемъ вчерашнія газеты. „Ну, слава Богу, никого нѣтъ“, произнесъ онъ: „теперь можно поглядѣть“. Онъ робко подошелъ къ зеркалу и взглянулъ. „Чортъ знаетъ что, какая дрянь!“ произнесъ онъ, плюнувши: „хотя бы уже что-нибудь было вмѣсто носа, а то ничего!..“

Съ досадою, закусивши губы, вышелъ онъ изъ кондитерской и рѣшился, противъ своего обыкновенія, не глядѣть ни на кого и никому не улыбаться. Вдругъ онъ сталъ, какъ вкопанный, у дверей одного дома; въ глазахъ его произошло явленіе неизъяснимое: передъ подъѣздомъ остановилась карета; дверцы отворились; выпрыгнулъ, согнувшись, господинъ въ мундирѣ и побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ. Каковъ же былъ ужасъ и вмѣстѣ изумленіе Ковалева, когда онъ узналъ, что это былъ — собственный его носъ! При этомъ необыкновенномъ зрѣлищѣ, казалось ему, все переверотилось у него въ глазахъ; онъ чувствовалъ, что едва могъ стоять; но рѣшился, во что бы ни стало, ожидать его возвращенія въ карету, весь дрожа, какъ въ лихорадкѣ. Черезъ двѣ минуты носъ дѣйствительно вышелъ. Онъ былъ въ мундирѣ, шитомъ золотомъ, съ большимъ стоячимъ воротникомъ; на немъ были замшевые панталоны; при боку шпага. По шляпѣ съ плюмажемъ можно было заключить, что онъ считался въ рангѣ статскаго совѣтника. По всему замѣтно было, что онъ ѣхалъ куда-нибудь съ

визитомъ. Онъ поглядѣлъ на обѣ стороны, закричалъ кучеру: „Подавай!“ сѣлъ и уѣхалъ.

Бѣдный Ковалевъ чуть не сошелъ съ ума. Онъ не зналъ, какъ и подумать объ такомъ странномъ происшествіи. Какъ же можно въ самомъ дѣлѣ, чтобы носъ, который еще вчера былъ у него на лицѣ и не могъ ни ѣздить, ни ходить, былъ въ мундирѣ! Онъ побѣжалъ за каретою, которая, къ счастью, проѣхала недалеко и остановилась передъ Гостинымъ дворомъ.

Онъ поспѣшилъ туда, пробрался сквозь рядъ нищихъ-старухъ съ завязанными лицами и двумя отверстиями для глазъ, надъ которыми онъ прежде такъ смѣялся. Народу было немного. Ковалевъ чувствовалъ себя въ такомъ разстроенномъ состояніи, что ни на что не могъ рѣшиться, и искалъ глазами этого господина по всѣмъ угламъ; наконецъ, увидѣлъ его, стоявшаго передъ лавкою. Носъ спряталъ совершенно лицо свое въ большой стоячій воротникъ и съ глубокимъ вниманіемъ разсматривалъ какіе-то товары.

„Какъ подойти къ нему?“ думалъ Ковалевъ. „По всему — по мундиру, по шляпѣ — видно, что онъ статскій совѣтникъ. Чортъ его знаетъ, какъ это сдѣлать!“

Онъ началъ около него покашливать; но носъ ни на минуту не оставлялъ своего положенія.

„Милостивый государь“, сказалъ Ковалевъ, внутренно принуждая себя ободриться: „милостивый государь...“

„Что вамъ угодно?“ отвѣчалъ носъ, оборотившись.

„Мнѣ странно, милостивый государь... мнѣ кажется... Вы должны знать свое мѣсто. И вдругъ я васъ нахожу, и гдѣ же?... Согласитесь...“

„Извините меня, я не могу взять въ толкъ, о чемъ вы изволите говорить... Объяснитесь“.

„Какъ мнѣ ему объяснить?“ подумалъ Ковалевъ и, собравшись съ духомъ, началъ: „Конечно, я... впрочемъ, я маіоръ. Мнѣ ходить безъ носа, согласитесь, это неприлично. Какой-нибудь торговкѣ, которая продаетъ на Воскресенскомъ мосту очищенные апельсины, можно сидѣть безъ носа; но, имѣя въ виду получить... притомъ, будучи во многихъ домахъ знакомъ съ дамами: Чехтарева, статская совѣтница, и другія... Вы посудите сами... Я не знаю, милостивый государь (при этомъ маіоръ Ковалевъ пожалъ плечами)... извините... если на это смотрѣть сообразно съ правилами долга и чести... вы сами можете понять...“

„Ничего рѣшительно не понимаю“, отвѣчалъ носъ. „Изъяснитесь удовлетворительнѣе“.

„Милостивый государь“, сказалъ Ковалевъ съ чувствомъ собственнаго достоинства: „я не знаю, какъ понимать слова ваши... Здѣсь все дѣло, кажется, совершенно очевидно... или вы хотите... Вѣдь вы — мой собственный носъ!“

Носъ посмотрѣлъ на маіора, и брови его нѣсколько нахмурились.

„Вы ошибаетесь, милостивый государь: я самъ по себѣ. Притомъ между нами не можетъ быть никакихъ тѣсныхъ отношеній. Судя по пуговицамъ вашего вицъ-мундира, вы должны служить по другому вѣдомству“. Сказавши это, носъ отвернулся.

Ковалевъ совершенно смѣшался, не зная, что дѣлать и что даже подумать. Въ это время послышался пріятный шумъ дамскаго платья: подошла пожилая дама, вся убранная кружевами, и съ нею тоненькая, въ бѣломъ платьѣ, очень мило рисовавшемся на ея стройной талии, въ палевой шляпкѣ, легкой, какъ пирожное. За ними остановился и открылъ

табакерку высокій гайдукъ съ большими бакенбардами и цѣлой дюжиной воротничковъ.

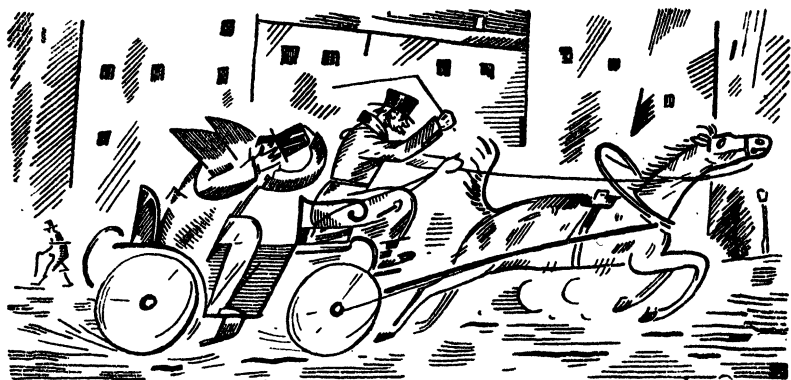
Ковалевъ подступилъ поближе, высунулъ батистовый воротничокъ манишки, поправилъ висѣвшія на золотой цѣпочкѣ свои печатки и, улыбаясь по сторонамъ, обратилъ вниманіе на легонькую даму, которая, какъ весенній цвѣточекъ, слегка наклонялась и подносила ко лбу свою бѣленькую ручку съ полупрозрачными пальцами. Улыбка на лицѣ Ковалева раздвинулась еще далѣе, когда онъ увидѣлъ изъ-подъ шляпки ея кругленькій, яркой бѣлизны подбородокъ и часть щеки, осѣненной цвѣтомъ первой весенней розы; но вдругъ онъ отскочилъ, какъ будто бы обжѣгшись. Онъ вспомнилъ, что у него, вмѣсто носа, совершенно нѣтъ ничего, и слезы выжались изъ глазъ его. Онъ оборотился съ тѣмъ, чтобы напрямикъ сказать господину въ мундирѣ, что онъ только прикинулся статскимъ совѣтникомъ, что онъ плутъ и подлецъ и что онъ больше ничего, какъ только его собственный носъ... Но носа уже не было: онъ успѣлъ ускакать, вѣроятно, опять къ кому-нибудь съ визитомъ.

Это повергло Ковалева въ отчаяніе. Онъ пошелъ назадъ и остановился съ минутой подъ колоннадою, тщательно смотря во всѣ стороны, не попадетъ ли гдѣ носъ. Онъ очень хорошо помнилъ, что шляпа на немъ была съ плюмажемъ и мундиръ съ золотымъ шитьемъ; но шинели не замѣтилъ, ни цвѣта его кареты, ни лошадей, ни даже того, былъ ли у него сзади какой-нибудь лакей и въ какой ливреѣ. Притомъ каретъ несло такое множество взадъ и впередъ и съ такою быстротою, что трудно было даже примѣтить; но если бы и примѣтилъ онъ какую-нибудь изъ нихъ, то не имѣлъ бы никакихъ средствъ остановить. День былъ прекрасный и

солнечный. На Невскомъ народу была тьма; дамъ цѣлый двѣтчный водопадъ сыпался по всему тротуару, начиная отъ Полицейскаго до Аничкина моста. Вонъ и знакомый ему надворный совѣтникъ идетъ, котораго онъ называлъ подполковникомъ, особливо, ежели то случилось при постороннихъ. Вонъ и Ярыжкинъ, столоначальникъ въ сенатѣ, большой пріятель его, который вѣчно въ бостонѣ обремизивался, когда игралъ восемь. Вонъ и другой маіоръ, получившій на Кавказѣ ассессорство, махаетъ рукой, чтобы шель къ нему. . .

„А, чортъ возьми!“ сказалъ Ковалевъ. „Эй, извозчикъ, вези прямо къ полицеймейстеру!“

Ковалевъ сѣлъ въ дрожки и только покрикивалъ извозчику: „Валяй во всю ивановскую!“

„У себя полицеймейстеръ?“ вскричалъ онъ, взошедши въ сѣни.

„Никакъ нѣтъ“, отвѣчалъ привратникъ: „только-что уѣхали“.

„Вотъ тебѣ разъ!“

„Да“, прибавилъ привратникъ: „а оно и не такъ давно, но уѣхалъ; минуточкой бы пришли раньше, то, можетъ, и застали бы дома“.

Ковалевъ, не отнимая платка отъ лица, сѣлъ на извозчика и закричалъ отчаяннымъ голосомъ: „пошелъ!“

„Куда?“ сказалъ извозчикъ.

„Пошелъ прямо!“

„Какъ — прямо? тутъ поворотъ: направо или налѣво?“

Этотъ вопросъ остановилъ Ковалева и заставилъ его опять подумать. Въ его положеніи слѣдовало ему прежде всего отнестись въ управу благочинія, не потому, что оно имѣло прямое отношеніе къ полиціи, но потому, что ея распоряженія могли быть гораздо быстрее, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; искать же удовлетворенія по начальству того мѣста, при которомъ носъ объявилъ себя служащимъ, было бы безразсудно, потому что изъ собственныхъ отвѣтовъ носа уже можно было видѣть, что для этого человѣка ничего не было священнаго и онъ могъ такъ же солгать и въ этомъ случаѣ, какъ солгалъ, увѣряя, что онъ никогда не видался съ нимъ. Итакъ, Ковалевъ уже хотѣлъ было приказать ѣхать въ управу благочинія, какъ опять пришла мысль ему, что этотъ плутъ и мошенникъ, который поступилъ уже при первой встрѣчѣ такимъ безсовѣстнымъ образомъ, могъ опять удобно, пользуясь временемъ, какъ-нибудь улизнуть изъ города, — и тогда всѣ исканія будутъ тщетны, или могутъ продолжиться, чего Боже сохрани, на цѣлый мѣсяцъ. Наконецъ, казалось, само Небо вразумило его. Онъ рѣшился отнестись прямо въ газетную экспедицію и заблаговременно сдѣлать публикацію съ обстоятельнымъ описаніемъ всѣхъ

его качества, дабы всякій встрѣтившійся съ нимъ могъ въ ту же минуту его представить къ нему или, по крайней мѣрѣ, дать знать о мѣстѣ его пребыванія. Итакъ, онъ, рѣшивъ на этомъ, велѣлъ извозчику ѣхать въ газетную экспедицію и во всю дорогу не переставалъ его тузить кулакомъ въ спину, приговаривая: „Скорѣй, подлець! Скорѣй, мошенникъ!“ — „Эхъ, баринъ!“ говорилъ извозчикъ, потряхивая головой и стегая вожжой свою лошадь, на которой шерсть была длинная, какъ на болонкѣ. Дрожки, наконецъ, остановились, и Ковалевъ, запыхавшись, вбѣжалъ въ небольшую пріемную комнату, гдѣ сѣдой чиновникъ, въ старомъ фракѣ и въ очкахъ, сидѣлъ за столомъ и, взявши въ зубы перо, считалъ принимаемыя мѣдные деньги.

„Кто здѣсь принимаетъ объявленія?“ закричалъ Ковалевъ.
„А, здравствуйте!“

„Мое почтеніе“, сказалъ сѣдой чиновникъ, поднявши на минуту глаза и опустивши ихъ снова на разложенныя кучи денегъ.

„Я желаю припечатать. . .“

„Позвольте, прошу немножко повременить“, произнесъ чиновникъ, ставя одною рукою цифру на бумагѣ и передвигая пальцемъ лѣвой руки два очка на счетахъ. Лакей съ галунами и съ довольно чистою наружностью, показывавшею пребываніе его въ аристократическомъ домѣ, стоялъ возлѣ стола съ запискою въ рукахъ и почелъ приличнымъ показать свою общежительность: „Повѣрите ли, сударь, что собачонка не стоитъ восьми гривенъ, т. е. я не далъ бы за нее и восьми грошей; а графиня любитъ, ей-Богу, любить, — и вотъ, тому, кто ее отыщетъ, сто рублей! Если сказать по приличію, то вотъ такъ, какъ мы теперь съ вами, вкусы людей совсѣмъ

несовмѣстны: ужъ когда охотникъ, то держи легавую собаку или пуделя; не пожалѣй пяти сотъ, тысячу дай, но за то ужъ чтобъ была собака хорошая“.

Почтенный чиновникъ слушалъ это съ значительною миною и въ то же время занимался смѣтою, сколько буквъ въ принесенной запискѣ. По сторонамъ стояло множество старухъ, купеческихъ сидѣльцевъ и дворниковъ съ записками. Въ одной значилось, что отпускается въ услуженіе кучеръ трезваго поведенія; въ другой — малоподержанная коляска, вывезенная въ 1814 году изъ Парижа; тамъ отпускатась дворовая дѣвка 19 лѣтъ, упражнявшаяся въ прачешномъ дѣлѣ, годная и для другихъ работъ; прочныя дрожки безъ одной рессоры; молодая горячая лошадь въ сѣрыхъ яблокахъ, семнадцать лѣтъ отъ роду; новыя, полученные изъ Лондона, сѣмена рѣпы и редиса; дача со всѣми угодыями: двумя стойлами для лошадей и мѣстомъ, на которомъ можно развести превосходный березовый или еловый садъ; тамъ же находился вызовъ желающихъ купить старыя подошвы, съ приглашеніемъ явиться къ переторжкѣ каждый день отъ 8 до 3 часовъ утра. Комната, въ которой помѣщалось все это общество, была маленькая, и воздухъ въ ней былъ чрезвычайно густъ; но коллежскій ассессоръ Ковалевъ не могъ слышать запаха, потому что закрылся платкомъ, и потому что самый носъ его находился, Богъ знаетъ, въ какихъ мѣстахъ.

„Милостивый государь, позвольте васъ попросить . . . мнѣ очень нужно“, сказала она, наконецъ, съ нетерпѣніемъ.

„Сейчасъ, сейчасъ! . . . Два рубля сорокъ три копѣйки! . . . Сію минуту! . . . Рубль шестьдесятъ четыре копѣйки!“ говорилъ сѣдовласый господинъ, бросая старухамъ и дворникамъ

записки въ глаза. „Вамъ что угодно?“ наконецъ, сказалъ онъ, обратившись къ Ковалеву.

„Я прошу...“ сказалъ Ковалевъ: „случилось мошенничество или плутовство — я до сихъ поръ не могу никакъ узнать. Я прошу только припечатать, что тотъ, кто ко мнѣ этого подлеца представить, получить достаточное вознагражденіе“.

„Позвольте узнать, какъ ваша фамилія?“

„Нѣтъ, зачѣмъ же фамилію? мнѣ нельзя сказать ее. У меня много знакомыхъ: Чехтарева, статская совѣтница, Пелагея Григорьевна Подточина, штабъ-офицерша... Вдругъ узнають, Боже сохрани! Вы можете просто написать: коллежскій ассессоръ, или, еще лучше, состоящій въ маіорскомъ чинѣ“.

„А сбѣжавшій былъ вашъ дворовый человѣкъ?“

„Какое дворовый человѣкъ! это бы еще не такое большое мошенничество! Сбѣжалъ отъ меня... носъ...“

„Гм! какая странная фамилія! И на большую сумму этотъ г. Носовъ обокралъ васъ?“

„Носъ, то-есть... вы не то думаете! Носъ, мой собственный носъ пропаль, неизвѣстно куда. Чортъ хотѣлъ подшутить надо мною!“

„Да какимъ же образомъ пропаль? я что-то не могу хорошенько понять“.

„Да я не могу вамъ сказать, какимъ образомъ; но главное то, что онъ развѣзжаетъ теперь по городу и называетъ себя статскимъ совѣтникомъ. И потому я васъ прошу объявить, чтобы поймавшій представилъ его немедленно ко мнѣ въ самомъ скорѣйшемъ времени. Вы посудите, въ самомъ дѣлѣ, какъ же мнѣ быть безъ такой замѣтной части тѣла?“

Это не то, что какой-нибудь мизинецъ на ногѣ, который я въ сапогъ — и никто не увидитъ, если его нѣтъ. Я бываю по четвергамъ у статской совѣтницы Чехтаревой; Подточина Пелагея Григорьевна, штабъ-офицерша, и у ней дочка очень хорошенькая, тоже очень хорошіе знакомые; и вы посудите сами, какъ же мнѣ теперь... Мнѣ теперь къ нимъ нельзя явиться“.

Чиновникъ задумался, что означали крѣпко сжавшіяся его губы.

„Нѣтъ, я не могу помѣстить такого объявленія въ газетахъ“, сказалъ онъ, наконецъ, послѣ долгаго молчанія.

„Какъ? отчего?“

„Такъ. Газета можетъ потерять репутацію. Если всякій начнетъ писать, что у него сбѣжалъ носъ, то... И такъ уже говорятъ, что печатается много несообразностей и ложныхъ слуховъ“.

„Да чѣмъ же это дѣло несообразное? Тутъ, кажется, ничего нѣтъ такого“.

„Это вамъ такъ кажется, что нѣтъ. А вотъ, на прошлой недѣлѣ, такой же былъ случай. Пришелъ чиновникъ такимъ же образомъ, какъ вы теперь пришли, принесъ записку, денегъ по расчету пришлось 2 р. 73 к., и все объявленіе состояло въ томъ, что сбѣжалъ пудель черной шерсти. Кажется, что бы тутъ такое? А вышелъ пасквиль: пудель-то этотъ былъ казначей, не помню, какого-то заведенія“.

„Да вѣдь я вамъ не о пуделѣ дѣлаю объявленіе, а о собственномъ моемъ носѣ: стало-быть, почти то же, что о самомъ себѣ“.

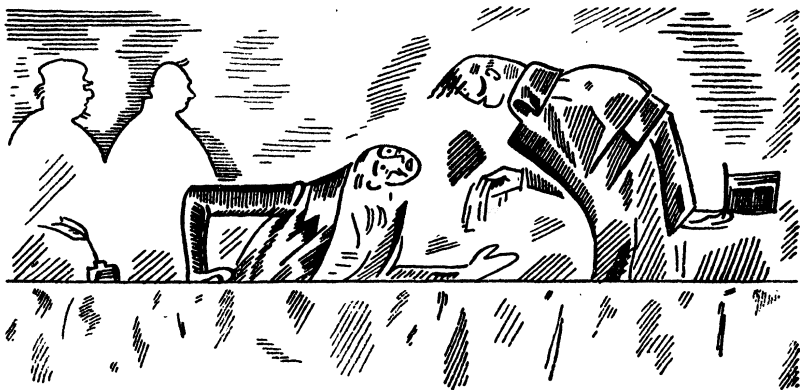
„Нѣтъ, такого объявленія я никакъ не могу помѣстить“.

„Да когда у меня точно пропаль носъ!“

„Если пропаль, то это дѣло медика. Говорять, что есть такіе люди, которые могут приставить какой угодно носъ. Но, впрочемъ, я замѣчаю, что вы должны быть человѣкъ веселаго нрава и любите въ обществѣ пошутить“.

„Клянусь вамъ, вотъ какъ Богъ святъ! Пожалуй, ужъ если до того дошло, то я покажу вамъ“.

„Зачѣмъ беспокоиться!“ продолжалъ чиновникъ, нюхая табакъ. „Впрочемъ, если не въ безпокойство“, прибавилъ

онъ съ движеніемъ любопытства: „то желательно бы взглянуть“.

Коллежскій ассессоръ отнялъ отъ лица платокъ.

„Въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно странно!“ сказалъ чиновникъ: „мѣсто совершенно гладкое, какъ будто бы только-что выпеченный блинъ. Да, до невѣроятности ровное!“

„Ну, вы и теперь будете спорить? Вы видите сами, что нельзя не напечатать. Я вамъ буду особенно благодаренъ, и очень радъ, что этотъ случай доставилъ мнѣ удовольствіе

съ вами познакомиться“. Маіоръ, какъ видно изъ этого, рѣшился на сей разъ немного поподличать.

„Напечатать-то, конечно, дѣло небольшое“, сказалъ чиновникъ: „только я не предвижу въ этомъ никакой для васъ выгоды. Если уже хотите, то отдайте тому, кто имѣетъ искусное перо, описать это, какъ рѣдкое произведеніе природы, и напечатать эту статейку въ „Сѣверной Пчелѣ“ (тутъ онъ понюхалъ еще разъ табаку), для пользы юношества (тутъ онъ утеръ носъ) или такъ, для общаго любопытства“.

Коллежскій ассессоръ былъ совершенно обезнадеженъ. Онъ опустилъ глаза въ низъ газеты, гдѣ было извѣщеніе о спектакляхъ; уже лицо его было готово улыбнуться, встрѣтивъ имя актрисы, хорошенькой собою, и рука взялась за карманъ, есть ли при немъ синяя ассигнація, потому-что штабъ-офицеры, по мнѣнію Ковалева, должны сидѣть въ креслахъ; но мысль о носѣ все испортила!

Самъ чиновникъ, казалось, былъ тронутъ затруднительнымъ положеніемъ Ковалева. Желая сколько-нибудь облегчить его горестъ, онъ почелъ приличнымъ выразить участіе свое въ нѣсколькихъ словахъ: „Мнѣ, право, очень прискорбно, что съ вами случился такой анекдотъ. Не угодно ли вамъ понюхать табачку? это разбиваетъ головныя боли и печальныя расположенія; даже въ отношеніи къ гемороидамъ это хорошо“. Говоря это, чиновникъ поднесъ Ковалеву табакерку, довольно ловко подвернувъ подъ нее крышку съ портретомъ какой-то дамы въ шляпкѣ.

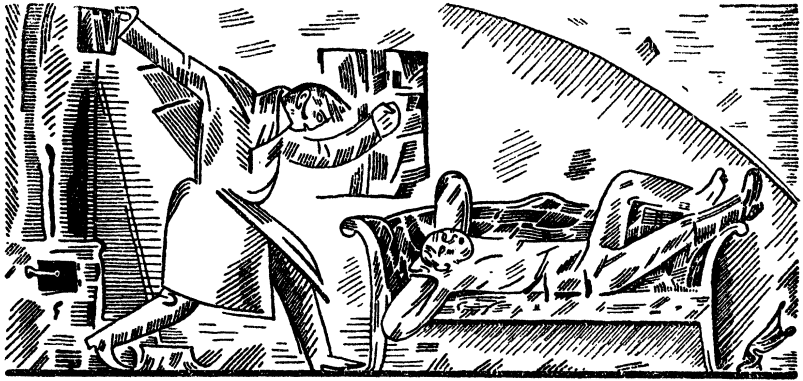
Этотъ неумышленный поступокъ вывелъ изъ терпѣнія Ковалева. „Я не понимаю, какъ вы находите мѣсто шуткамъ“, сказалъ онъ съ сердцемъ: „развѣ вы не видите, что у меня

нѣтъ именно того, чѣмъ бы я могъ понюхать? Чтобъ чортъ побралъ вашъ табакъ! Я теперь не могу смотрѣть на него, и не только на скверный вашъ березинскій, но хоть бы вы поднесли мнѣ самаго рапѣ“. Сказавши это, онъ вышелъ, глубоко раздосадованный, изъ газетной экспедиціи и отправился къ частному приставу.

Ковалевъ вошелъ къ нему въ то время, когда онъ потянулся, крикнулъ и сказалъ: „Эхъ, славно засну два часика!“ и потому можно было предвидѣть, что приходъ коллежскаго асессора былъ совершенно не во-время. Частный былъ большой поощритель всѣхъ искусствъ и мануфактурностей; но государственную ассигнацію предпочиталъ всему. „Это вещь“, обыкновенно говорилъ онъ: „ужъ нѣтъ ничего лучше этой вещи: ѣсть не просить, мѣста займетъ немного, въ карманѣ всегда помѣстится, уронишь — не расшибется“.

Частный принялъ довольно сухо Ковалева и сказалъ, что послѣ обѣда не то время, чтобы производить слѣдствіе, что сама натура назначила, чтобы, наѣвшись, немного отдохнуть (изъ этого коллежскій асессоръ могъ видѣть, что частному приставу были не безъизвѣстны изреченія древнихъ мудрецовъ), что у порядочнаго человѣка не оторвутъ носа.

То-есть, не въ бровь, а прямо въ глазъ! Нужно замѣтить, что Ковалевъ былъ чрезвычайно обидчивый человѣкъ. Онъ могъ простить все, что ни говорили о немъ самомъ, но никакъ не извинялъ, если это относилось къ чину или званію. Онъ даже полагалъ, что въ театральныхъ пьесахъ можно пропускать все, что относится къ оберъ-офицерамъ; но на штабъ-офицеровъ никакъ не должно нападать. Пріемъ частнаго такъ его сконфузилъ, что онъ тряхнулъ головою и сказалъ съ чувствомъ достоинства, немного разставивъ

свои руки: „Признаюсь, послѣ этакихъ обидныхъ съ вашей стороны замѣчаній, я ничего не могу прибавить...“ и вышелъ.

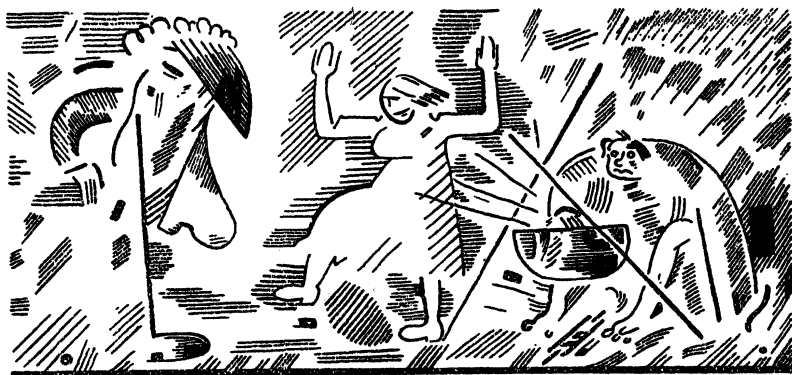
Онъ пріѣхалъ домой, едва слыша подъ собою ноги. Были уже сумерки. Печальною или чрезвычайно гадкою показалась ему квартира послѣ всѣхъ этихъ неудачныхъ исканій. Вошедши въ переднюю, увидѣлъ онъ на кожаномъ запачканномъ диванѣ лакея своего Ивана, который, лежа на спинѣ, плевалъ въ потолокъ и попадалъ довольно удачно въ одно и то же мѣсто. Такое равнодушіе человѣка взбѣсило его; онъ ударилъ его шляпою по лбу, примолвивъ: „Ты, свинья, всегда глупостями занимаешься!“

Иванъ вскочилъ вдругъ со своего мѣста и бросился со всѣхъ ногъ снимать съ него плащъ.

Вошедши въ свою комнату, маіоръ, усталый и печальный, бросился въ кресла и, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ вздоховъ, сказалъ:

„Боже мой! Боже мой! За что это такое несчастье? Будь я безъ руки или безъ ноги — все бы это лучше; но безъ носа человекъ — чортъ знаетъ что: птица не птица, гражданинъ не гражданинъ, — просто, возьми да и вышвырни за окошко! И пусть бы уже на войнѣ отрубили, или на дуэли, или я самъ былъ причиною; но вѣдь пропаль ни за что, ни про что, пропаль даромъ, ни за грошь!.. Только, нѣтъ, не можетъ быть“, прибавилъ онъ, немного подумавъ: „невѣроятно, чтобы носъ пропаль, никакимъ образомъ невѣроятно. Это, вѣрно, или во снѣ снится, или, просто, грезится; можетъ быть, я какъ-нибудь, ошибкою, выпилъ вмѣсто воды водку, которою вытираю послѣ бритья себѣ бороду. Иванъ, дуракъ, не принялъ, и я, вѣрно, хватилъ ея“. Чтобы дѣйствительно увѣриться, что онъ не пьянъ, маіоръ ущипнулъ себя такъ больно, что самъ вскрикнулъ. Эта боль совершенно увѣрила его, что онъ дѣйствуетъ и живетъ наяву. Онъ потихоньку приблизился къ зеркалу и сначала зажмурилъ глаза съ тою мыслью, что авось-либо носъ покажется на своемъ мѣстѣ; но въ ту-жъ минуту отскочилъ назадъ, сказавши: „Экой пасквильный видъ!“

Это было, точно, непонятно. Если бы пропала пуговица, серебряная ложка, часы или что-нибудь подобное, — но пропасть, и кому же пропасть? и притомъ еще на собственной квартирѣ!.. Маіоръ Ковалевъ, сообразя всѣ обстоятельства, предполагалъ едва ли не ближе всего къ истинѣ, что виною этого долженъ быть не кто другой, какъ штабъ-офицерша Подточина, которая желала, чтобы онъ женился на ея дочери. Онъ и самъ любилъ за нею приволкнуться, но избѣгалъ окончательной раздѣлки. Когда же штабъ-офицерша объявила ему напрямикъ, что она хочетъ выдать ее за него,

онъ потихоньку отчалилъ съ своими комплиментами, сказавши, что еще молодъ, что нужно ему прослужить лѣтъ пять, чтобы уже ровно было сорокъ два года. И потому штабъ-офицерша, вѣрно изъ мщенія, рѣшилась его испортить и наняла для этого какихъ-нибудь колдовокъ-бабъ, потому что никакимъ образомъ нельзя было предположить, чтобы носъ былъ отрѣзанъ: никто не входилъ къ нему въ комнату; цырюльникъ же, Иванъ Яковлевичъ, брилъ его еще въ среду, а въ продолженіе всей среды и даже во весь четвергъ носъ у него былъ цѣлъ, — это онъ помнилъ и зналъ очень хорошо; притомъ, была бы имъ чувствуема боль, и, безъ сомнѣнія, рана не могла бы такъ скоро зажить и быть гладкою, какъ блинъ. Онъ строилъ въ головѣ планы: звать ли штабъ-офицершу формальнымъ порядкомъ въ судъ, или явиться къ ней самому и уличить ее. Размышленія его прерваны были свѣтомъ, который блеснулъ сквозь всѣ скважины дверей и далъ знать, что свѣча въ передней уже зажжена

Иваномъ. Скоро показался и самъ Иванъ, неся ее передъ собою и озаряя ярко всю комнату. Первымъ движеніемъ Ковалева было схватить платокъ и закрыть то мѣсто, гдѣ вчера еще былъ носъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ глупый человѣкъ не зазѣвался, увидя у барина такую странность.

Не успѣлъ Иванъ уйти въ кон—у свою, какъ послышался въ передней незнакомый голосъ, произнесшій: „Здѣсь ли живетъ коллежскій ассессоръ Ковалевъ?“

„Войдите; маіоръ Ковалевъ здѣсь“, сказалъ Ковалевъ, вскочивши поспѣшно и отворяя дверь.

Вошелъ полицейскій чиновникъ, красивой наружности, съ бакенбардами не слишкомъ свѣтлыми и не темными, съ довольно полными щеками, тотъ самый, который, въ началѣ повѣсти, стоялъ въ концѣ Исаакіевского моста.

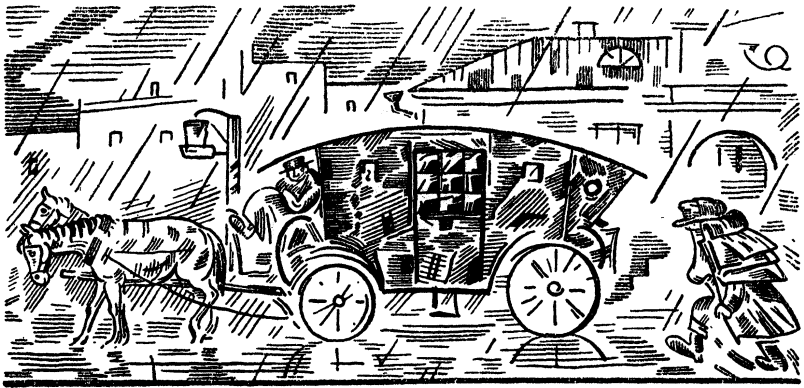
„Вы изволили затерять носъ свой?“

„Такъ точно“.

„Онъ теперъ найденъ“.

„Что вы говорите?“ закричалъ маіоръ Ковалевъ. Радость отняла у него языкъ. Онъ глядѣлъ въ оба на стоявшаго передъ нимъ квартальнаго, на полныхъ губахъ и щекахъ котораго ярко мелькалъ трепетный свѣтъ свѣчи. „Какимъ образомъ?“

„Страннымъ случаемъ: его перехватили почти на дорогѣ. Онъ уже садился на дилижансъ и хотѣлъ уѣхать въ Ригу. И паспортъ давно былъ написанъ на имя одного чиновника. И странно то, что я самъ принялъ его сначала за господина; но, къ счастію, были со мной очки, и я тотъ же часъ увидѣлъ, что это былъ носъ. Вѣдь я близорукъ, и если вы станете передо мною, то я вижу только, что у васъ лицо, но ни носа,

ни бороды, ничего не замѣчу. Моя теща, то-есть мать жены моей, тоже ничего не видитъ“.

Ковалевъ былъ виѣ себя. „Гдѣ же онъ? гдѣ? я сейчасъ побѣгу“.

„Не беспокойтесь. Я, зная, что онъ вамъ нуженъ, принесъ его съ собою. И странно то, что главный участникъ въ этомъ дѣлѣ есть мошенникъ-цырюльникъ на Вознесенской улицѣ, который сидитъ теперь на съѣзжей. Я давно подозрѣвалъ его въ пьянствѣ и воровствѣ, и еще третьяго дня стащилъ онъ въ одной лавочкѣ бортище пуговицъ. Носъ вашъ совершенно таковъ, какъ былъ“. При этомъ квартальный полѣзъ въ карманъ и вытащилъ оттуда завернутый въ бумажкѣ носъ.

„Такъ, онъ!“ закричалъ Ковалевъ: „точно, онъ! Выкушайте сегодня со мною чашечку чаю“.

„Почелъ бы за большую пріятность, но никакъ не могу: мнѣ нужно заѣхать отсюда въ смирительный домъ... Очень

большая поднялась дороговизна на всѣ припасы... У меня въ домѣ живетъ и теща, то-есть мать моей жены, и дѣти; старшій особенно подаетъ большія надежды, очень умный мальчишка; но средствъ для воспитанія совершенно нѣтъ никакихъ...“

Коллежскій ассессоръ, по уходѣ квартальнаго, нѣсколько минутъ оставался въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи и едва черезъ нѣсколько минутъ пришелъ въ возможность видѣть и чувствовать: въ такое безпамятство повергла его неожиданная радость. Онъ взялъ бережливо найденный носъ въ обѣ руки, сложенные горстью, и еще разъ разсмотрѣлъ его внимательно.

„Такъ, онъ! точно, онъ!“ говорилъ маіоръ Ковалевъ. „Вотъ и прыщикъ на лѣвой сторонѣ, вскочившій вчерашняго дня“. Маіоръ чуть не засмѣялся отъ радости.

Но на свѣтѣ нѣтъ ничего долговременнаго, а потому и радость, въ слѣдующую минуту за первую, уже не такъ жива; въ третью минуту она становится еще слабѣе, и, наконецъ, незамѣтно сливается съ обыкновеннымъ положеніемъ души, какъ на водѣ кругъ, рожденный паденіемъ камешка, наконецъ, сливается съ гладкою поверхностью. Ковалевъ началъ размышлять и смекнулъ, что дѣло еще не кончено: носъ найденъ, но вѣдь нужно же его приставить, помѣстить на свое мѣсто.

„А что, если онъ не пристанетъ?“

При такомъ вопросѣ, сдѣланномъ самому себѣ, маіоръ поблѣднѣлъ.

Съ чувствомъ неизяснимаго страха бросился онъ къ столу, придвинулъ зеркало, чтобы какъ-нибудь не поставить

нось криво. Руки его дрожали. Осторожно и осмотрительно наложилъ онъ его на прежнее мѣсто. О, ужась! носъ не приклеивался!.. Онъ поднесъ его ко рту, нагрѣлъ его слегка своимъ дыханіемъ и опять поднесъ къ гладкому мѣсту, находившемуся между двухъ щекъ; но носъ никакимъ образомъ не держался.

„Ну, ну же! полѣзай, дакъ!“ говорилъ онъ ему; но носъ былъ какъ деревянный и падалъ на столъ съ такимъ страннымъ звукомъ, какъ будто бы пробка. Лицо маіора судорожно скривилось. „Неужели онъ не прирастетъ?“ говорилъ онъ въ испугѣ. Но сколько разъ ни подносилъ онъ его на его же собственное мѣсто — стараніе было, попрежнему, безуспѣшно.

Онъ кликнулъ Ивана и послалъ его за докторомъ, который занималъ въ томъ же самомъ домѣ лучшую кварт—у въ бельэтажѣ. Докторъ этотъ былъ видный собою мужчина, имѣлъ прекрасныя смолистыя бакенбарды, свѣжую, здоровую докторшу, ѣлъ поутру свѣжія яблоки и держалъ ротъ въ необыкновенной чистотѣ, полоща его каждое утро почти три четверти часа и шлифуя зубы пятью разныхъ родовъ щеточками. Докторъ явился въ ту же минуту. Спросивши, какъ давно случилось несчастіе, онъ поднялъ маіора Ковалева за подбородокъ и далъ ему большимъ пальцемъ щелчка въ то самое мѣсто, гдѣ прежде былъ носъ, такъ что маіоръ долженъ былъ откинуть свою голову назадъ съ такою силою, что ударился затылкомъ въ стѣну. Медикъ сказалъ, что это ничего, и, посовѣтовавши отодвинуться немного отъ стѣны, велѣлъ ему перегнуть голову сначала на правую сторону и, пощупавши то мѣсто, гдѣ прежде былъ носъ, сказалъ: „гм!“ потомъ велѣлъ ему перегнуть голову на лѣвую сторону и

сказаль: „гм!“ и въ заключеніе даль опять ему большимъ пальцемъ щелчка, такъ что маіоръ Ковалевъ дернулъ головою, какъ конь, которому смотрятъ въ зубы. Сдѣлавши такую пробу, медикъ покачалъ головою и сказаль: „Нѣтъ, нельзя. Вы ужъ лучше такъ оставайтесь, потому что можно сдѣлать еще хуже. Оно, конечно, приставить можно; я бы, пожалуй, вамъ сейчасъ приставилъ его; но я васъ увѣрю, что это для васъ хуже“.

„Вотъ хорошо! какъ же мнѣ оставаться безъ носу?“ сказаль Ковалевъ: „ужъ хуже не можетъ быть, какъ теперь. Это, просто, чортъ знаетъ что! Куда же я съ такою пасквильностью покажусь? Я имѣю хорошее знакомство: вотъ и сегодня мнѣ нужно быть на вечерѣ въ двухъ домахъ. Я со многими знакомъ; статская совѣтница Чехтарева, Подточина, штабъ-офицерша... хотъ послѣ теперешняго поступка ея я не имѣю съ ней другого дѣла, какъ только чрезъ полицію. Сдѣлайте милость“, — продолжалъ Ковалевъ умоляющимъ голосомъ: „нѣтъ ли средства? какъ-нибудь приставьте: хотъ не хорошо, лишъ бы только держался; я даже могу его слегка подпирать рукою въ опасныхъ случаяхъ. Я же при томъ и не танцую, чтобы могъ вредить какимъ-нибудь неосторожнымъ движеніемъ. Все, что относится насчетъ благодарности за визиты, ужъ будьте увѣрены, сколько позволятъ мои средства...“

„Вѣрите ли“, сказаль докторъ ни громкимъ, ни тихимъ голосомъ, но чрезвычайно увѣтливымъ и магнетическимъ: „что я никогда изъ корысти не лѣчу. Это противно моимъ правиламъ и моему искусству. Правда, я беру за визиты, но единственно съ тѣмъ только, чтобы не обидѣть моимъ отказомъ. Конечно, я бы приставилъ вашъ носъ; но я васъ

увѣрю честию, если уже вы не вѣрите моему слову, что это будетъ гораздо хуже. Предоставьте лучше дѣйствию самой природы. Мойте чаще холодною водою, и я васъ увѣрю, что вы, не имѣя носа, будете такъ же здоровы, какъ если бы имѣли его. А носъ я вамъ совѣтую положить въ банку со спиртомъ, или, еще лучше, влить туда двѣ столовыя ложки острой водки и подогрѣтаго уксуса, — и тогда вы можете взять за него порядочныя деньги. Я даже самъ возьму его, если вы только не подорожаетесь“.

„Нѣтъ, нѣтъ! ни за что не продамъ!“ вскричалъ отчаянный маіоръ Ковалевъ: „лучше пусть онъ пропадаетъ!“

„Извините!“ сказала докторъ, откланиваясь: „я хотѣлъ быть вамъ полезнымъ... Что-жъ дѣлать! По крайней мѣрѣ, вы видѣли мое стараніе“. Сказавши это, докторъ съ благородною осанкою вышелъ изъ комнаты. Ковалевъ не замѣтилъ даже лица его и въ глубокой безчувственности видѣлъ только выглядывавшіе изъ рукавовъ его чернаго фрака рукавчики бѣлой и чистой, какъ снѣгъ, рубашки.

Онъ рѣшился на другой же день, прежде представленія жалобы, писать къ штабъ-офицершѣ, не согласится ли она безъ бою возвратить ему то, что слѣдуетъ. Письмо было такого содержанія:

Милостивая государыня,
Александра Григорьевна!

Не могу понять страннаго со стороны Вашей дѣйствія. Будьте увѣрены, что, поступая такимъ образомъ, ничего

Вы не выиграете и ничуть не принудите меня жениться на Вашей дочери. Повѣрьте, что исторія насчетъ моего носа совершенно извѣстна, равно какъ и то, что въ этомъ, Вы есть главныя участницы, а не кто другой. Внезапное его отдѣленіе съ своего мѣста, побѣгъ и маскированіе, то подъ видомъ одного чиновника, то, наконецъ, въ собственномъ видѣ, есть больше ничего, какъ слѣдствіе волхованій, произведенныхъ Вами или тѣми, которые упражняются въ подобныхъ Вамъ благородныхъ занятіяхъ. Я съ своей стороны почитаю долгомъ васъ предупредить: если упоминаемый мною носъ не будетъ сегодня же на своемъ мѣстѣ, то я принужденъ буду прибѣгнуть къ защитѣ и покровительству законовъ.

Впрочемъ, съ совершеннымъ почтеніемъ къ Вамъ, имѣю честь быть

Вашъ покорный слуга

Платонъ Ковалевъ.

Милостивый государь,

Платонъ Кузьмичъ!

Чрезвычайно удивило меня письмо Ваше. Я, признаюсь Вамъ по откровен-

ности, никакъ не ожидала, а тѣмъ болѣе относительно несправедливыхъ укоризнъ со стороны Вашей. Предувѣдомляю Васъ, что я чиновника, о которомъ упоминаете Вы, никогда не принимала у себя въ домѣ, ни замаскированного, ни въ настоящемъ видѣ. Бывалъ у меня, правда, Филиппъ Ивановичъ Потанчиковъ. И хотя онъ, точно, искалъ руки моей дочери, будучи самъ хорошаго, трезваго поведенія и великой учености, но я никогда не подавала ему никакой надежды. Вы упоминаете еще о носѣ. Если Вы разумѣете подъ симъ, что будто бы я хотѣла оставить Васъ съ носомъ, то есть, дать Вамъ формальный отказъ, то меня удивляетъ, что Вы сами объ этомъ говорите, тогда какъ я, сколько Вамъ извѣстно, была совершенно противнаго мнѣнія, и если Вы теперь же посвщаетесь на моей дочери законнымъ образомъ, я готова сей же часъ удовлетворить Васъ, ибо это составляло всегда предметъ моего живѣйшаго желанія, въ надеждѣ чего остаюсь всегда готовою къ услугамъ Вашимъ

Александра Подточина.

„Нѣтъ“, говорилъ Ковалевъ, прочитавши письмо: „она, точно, не виновата. Не можетъ быть! Письмо такъ написано, какъ не можетъ написать человѣкъ, виноватый въ преступленіи“. Коллежскій ассессоръ былъ въ этомъ свѣдущъ, потому что былъ посыланъ нѣсколько разъ на слѣдствіе еще въ Кавказской области. „Какимъ же образомъ, какими судьбами это приключилось? Только чортъ разберетъ это!“ сказалъ онъ, наконецъ, опустивъ руки.

Между тѣмъ слухи объ этомъ необыкновенномъ происшествіи распространились по всей столицѣ и, какъ водится, не безъ особенныхъ прибавленій. Тогда умы всѣхъ именно настроены были къ чрезвычайному: недавно только-что занимали публику опыты дѣйствія магнетизма. Притомъ, исторія о танцующихъ стульяхъ въ Конюшенной улицѣ была еще свѣжа, и потому нечего удивляться, что скоро начали говорить, будто носъ коллежскаго ассессора Ковалева ровно въ три часа прогуливается по Невскому проспекту. Любопытныхъ стекалось каждый день множество. Сказалъ кто-то, что носъ будто бы находился въ магазинѣ Юнкера — и возлѣ Юнкера такая сдѣлалась толпа и давка, что должна была вступить даже полиція. Одинъ спекуляторъ почтенной наружности, съ бакенбардами, продававшій при входѣ въ театръ разные сухіе кондитерскіе пирожки, нарочно надѣлалъ прекрасныхъ деревянныхъ, прочныхъ скамеекъ, на которыя приглашалъ любопытныхъ становиться, за восемьдесятъ копѣекъ отъ cadaго посѣтителя. Одинъ заслуженный полковникъ нарочно для этого вышелъ раньше изъ дому и съ большимъ трудомъ пробрался сквозь толпу; но, къ большому негодованію своему, увидѣлъ въ окнѣ магазина вмѣсто носа, обыкновенную шерстяную фуфайку и литографированную

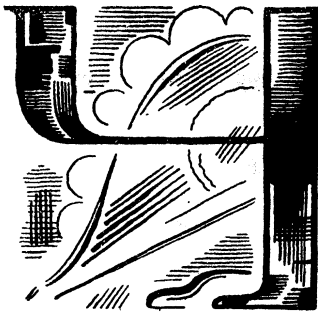
картинку съ изображеніемъ дѣвушки, поправлявшей чулокъ, и глядѣвшаго на нее изъ-за дерева франта съ откиднымъ жилетомъ и небольшою бородкою, — картинку, уже болѣе десяти лѣтъ висящую все на одномъ мѣстѣ. Отошедь, онъ сказалъ съ досадою: „Какъ можно такими глупыми и неправдоподобными слухами смущать народъ?“ Потомъ пронесся слухъ, что не на Невскомъ проспектѣ, а въ Таврическомъ саду прогуливается носъ маіора Ковалева; что будто бы онъ давно уже тамъ; что когда еще проживалъ тамъ Хозревъ-Мирза, то очень удивлялся этой странной игрѣ природы. Нѣкоторые изъ студентовъ Хиргической Академіи отправились туда. Одна знатная почтенная дама просила особеннымъ письмомъ смотрителя за садомъ показать дѣтямъ ея этотъ рѣдкій феноменъ и, если можно, съ объясненіемъ наставительнымъ и назидательнымъ для юношей.

Всѣмъ этимъ происшествіямъ были чрезвычайно рады всѣ свѣтскіе необходимые посѣтители раутовъ, любившіе смѣшить дамъ, у которыхъ запасъ въ то время совершенно

истощился. Небольшая часть почтенныхъ и благонамѣренныхъ людей была чрезвычайно недовольна. Одинъ господинъ говорилъ съ негодованіемъ, что онъ не понимаетъ, какъ въ нынѣшній просвѣщенный вѣкъ могутъ распространяться нелѣпыя выдумки, и что онъ удивляется, какъ не обратитъ на это вниманіе правительство. Господинъ этотъ, какъ видно, принадлежалъ къ числу тѣхъ господъ, которые желали бы впутать правительство во все, даже въ свои ежедневныя ссоры съ женою. Вслѣдъ за этимъ . . . но здѣсь вновь все происшествіе скрывается туманомъ, и что было потомъ — рѣшительно неизвѣстно.

III

ШЕПУХА совершенная дѣлается на свѣтѣ. Иногда вовсе нѣтъ никакого правдоподобія: вдругъ тотъ самый носъ, который развѣзжалъ въ чинѣ статскаго совѣтника и надѣлалъ столько шуму въ городѣ, очутился, какъ ни въ чемъ не бывало, вновь на своемъ мѣстѣ, то есть именно между двухъ щекъ маіора Ковалева. Это случилось уже апрѣля 7 числа. Проснувшись и нечаянно взглянувъ въ зеркало, видитъ онъ: носъ! хватъ рукою — точно, носъ! „Эге!“ сказалъ Ковалевъ, и въ радости чуть не дернулъ по всей комнатѣ босикомъ трепака; но вошедшій Иванъ помѣшалъ. Онъ приказалъ тотъ же часъ дать себѣ умыться и, умываясь, взглянулъ еще разъ въ зеркало — носъ! Вытираясь полотенцемъ, онъ опять взглянулъ въ зеркало — носъ!

„А посмотри, Иванъ, кажется, у меня на носу какъ будто прыщикъ“, сказалъ онъ и между тѣмъ думалъ: „Вотъ бѣда,

какъ Иванъ скажетъ: „Да нѣтъ, сударь, не только прыщика, а самага носа нѣтъ!“

Но Иванъ сказалъ: „Ничего-съ, никакого прыщика: носъ чистый!“

„Хорошо, чортъ побери!“ сказалъ самъ себѣ маіоръ и щелкнулъ пальцами. Въ это время выглянулъ въ дверь цырюльникъ Иванъ Яковлевичъ, но такъ боязливо, какъ кошка, которую только-что высѣкли за кражу сала.

„Говори впередъ: чисты руки?“ кричалъ еще издали ему Ковалевъ.

„Чисты.“

„Врешь!“

„Ей Богу-съ чисты, сударь.“

„Ну, смотри же.“

Ковалевъ сѣлъ. Иванъ Яковлевичъ закрылъ его салфеткою и, въ одно мгновенье, съ помощью кисточки, превратилъ всю бороду его и часть щеки въ кремъ, какой по-

даютъ на купеческихъ именинахъ. „Вишь ты!“ сказалъ самъ себѣ Иванъ Яковлевичъ, взглянувши на носъ, и потомъ перегнулъ голову на другую сторону и посмотрѣлъ на него сбоку: „Вона! экъ его, право, какъ подумаешь,“ продолжалъ онъ, и долго смотрѣлъ на носъ. Наконецъ, легонько, съ бережливостью, какую только можно себѣ вообразить, онъ приподнялъ два пальца съ тѣмъ, чтобы поймать его за кончикъ. Такова ужъ была система Ивана Яковлевича.

„Ну, ну, ну, смотри!“ закричалъ Ковалевъ. Иванъ Яковлевичъ и руки опустилъ, оторопѣлъ и смутился, какъ никогда не смущался. Наконецъ, осторожно сталъ онъ щекотать бритвой у него подъ бородою, и хотя ему было совсѣмъ не сподручно и трудно брить безъ придержки за нюхательную часть тѣла, однако-же, кое-какъ, упираясь своимъ шероховатымъ большимъ пальцемъ ему въ щеку и въ нижнюю десну, наконецъ, одолѣлъ всѣ препятствія и выбрилъ.

Когда все было готово, Ковалевъ поспѣшилъ тотъ же часъ одѣться, взявъ извозчика и поѣхалъ прямо въ кондитерскую. Входя, закричалъ онъ еще издали: „Мальчикъ, чашку шоколаду!“ а самъ въ ту же минуту къ зеркалу — есть носъ. Онъ весело оборотился назадъ и съ сатирическимъ видомъ посмотрѣлъ, нѣсколько прищуря глазъ, на двухъ военныхъ, у одного изъ которыхъ былъ носъ никакъ не больше жилетной пуговицы. Послѣ того отправился онъ въ канцелярію того департамента, гдѣ хлопоталъ объ вице-губернаторскомъ мѣстѣ, а въ случаѣ неудачи — объ экзекторскомъ. Проходя чрезъ приѣмную, онъ взглянулъ въ зеркало — есть носъ. Потомъ поѣхалъ онъ къ другому коллежскому ассессору, или маіору, большому насмѣшнику,

которому онъ часто говорилъ въ отвѣтъ на разныя занозистыя замѣтки: „Ну, ужъ ты, я тебя знаю, ты шпилька!“ Дорогою онъ подумалъ: „Если и маіоръ не треснетъ со смѣху, увидѣвши меня, тогда ужъ вѣрный знакъ, что все, что ни есть, сидитъ на своемъ мѣстѣ.“ Но коллежскій ассессоръ ничего. „Хорошо, хорошо, чортъ поберетъ!“ подумалъ про себя Ковалевъ. На дорогѣ встрѣтилъ онъ штабъ-офицершу Подточину вмѣстѣ съ дочерью, раскланялся съ ними и былъ встрѣченъ съ радостными восклицаніями: стало-быть, ничего, въ немъ нѣтъ никакого ущерба. Онъ разговаривалъ съ ними очень долго, и нарочно, вынувши табакерку, набивалъ передъ ними весьма долго свой носъ съ обоихъ подъѣздовъ, приговаривая про себя: „Вотъ, молю, вамъ, бабье, куриный народъ! а на дочкѣ все-таки не женюсь. Такъ, просто, par amour — изволь!“ И маіоръ Ковалевъ съ тѣхъ поръ прогуливался, какъ ни въ чемъ не бывало, и на Невскомъ проспектѣ, и въ театрахъ, и вездѣ. И носъ тоже, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣлъ на его лицѣ,

не показывая даже вида, чтобы отлучался по сторонамъ. И послѣ того майора Ковалева видѣли вѣчно въ хорошемъ юморѣ, улыбающагося, преслѣдующаго рѣшительно всѣхъ хорошенькихъ дамъ и даже остановившагося одинъ разъ передъ лавочкой въ Гостиномъ дворѣ и покупавшаго какую-то орденскую ленточку, неизвѣстно для какихъ причинъ, потому что онъ самъ не былъ кавалеромъ никакого ордена.

Вотъ какая исторія случилась въ сѣверной столицѣ нашего обширнаго государства! Теперь только, по соображенію всего, видимъ, что въ ней есть много неправдоподобнаго. Не говоря уже о томъ, что, точно, странно сверхъ-естественное отдѣленіе носа и появленіе его въ разныхъ мѣстахъ въ видѣ статскаго совѣтника, — какъ Ковалевъ не смекнулъ, что нельзя чрезъ газетную экспедицію объявлять о носѣ? Я здѣсь не въ томъ смыслѣ говорю, чтобы мнѣ казалось дорого заплатить за объявленіе: это вздоръ, и я совсѣмъ не изъ числа корыстолюбивыхъ людей; но неприлично, неловко, нехорошо! И опять тоже: какъ носъ очутился въ печеномъ хлѣбѣ, и какъ самъ Иванъ Яковлевичъ?.. Нѣтъ, этого я никакъ не понимаю, рѣшительно не понимаю! Но, что страннѣе, что непонятнѣе всего, это то, какъ авторы могутъ брать подобные сюжеты. Признаюсь, это ужъ совсѣмъ непостижимо, это точно . . . нѣтъ, нѣтъ! совсѣмъ не понимаю. Во-первыхъ, пользы отечеству рѣшительно никакой; во-вторыхъ . . . но и во-вторыхъ тоже нѣтъ пользы. Просто, я не знаю, что это . . .

А однако-же, при всемъ томъ, хотя, конечно, можно допустить и то, и другое, и третье, можетъ даже . . . ну, да и гдѣ-жъ не бываетъ несообразностей? — а все, од-

нако-же, какъ поразмыслишь, во всемъ этомъ, право, есть что-то. Кто что ни говори, а подобныя происшествія бываютъ на свѣтѣ, — рѣдко, но бываютъ.

Послесловие к репринтному изданию

"Н.В.Гоголь долго не соглашался на напечатание этой шутки; но мы нашли в ней так много неожиданного, фантастического, веселого, оригинального, что уговорили его позволить нам поделиться с публикою удовольствием, которое доставила нам его рукопись"¹. Такое примечание сделал первый издатель повести "Нос" А.С.Пушкин, поместив ее на страницах своего детища — журнала "Современник" (1836, т. 3)

Повесть Гоголя пришла к читателю, но до начала XX века редко привлекала внимание художников, впрочем, она разделила судьбу и других "петербургских повестей" писателя. Появление интереса к ним обычно связывают с двумя почти совпавшими юбилеями — 50-летием со дня смерти Гоголя, когда кончился срок авторского права на его сочинения и стали выходить многочисленные иллюстрированные издания, и 200-летием Петербурга. В 1904 г. Д.Н.Кардовский иллюстрирует "Невский проспект", в 1905 г. Б.М.Кустодиев — "Шинель". К этому же времени относится знаменитая акварель Л.С.Бакста к повести "Нос" (1904. ГТГ).

В последующие годы "Нос" иллюстрировали В.В.Лебедев², А.А.Рыбников³, А.И.Кравченко⁴. Но подлинным событием в книжной графике стали рисунки к этой повести Василия Николаевича Масютина (1884—1955). Не сразу пришел он в искусство. Из его автобиографии, написанной в третьем лице, мы узнаем, что родился он в Риге. Военной карьеры, которую ожидали от него родители, не получилось. Прослужив два года после окончания Михайловского артиллерийского училища, Масютин вышел в 1907 г. в запас и затем в отставку. Далее Московское училище живописи, ваяния и зодчества (1908—1914); знаменитые учителя И.Н.Павлов, С.В.Иванов. Первая мировая война прервала творческие искания художника — он был призван в армию (1914—1917). Наибольшую известность Масютину принесли его сюиты "Грех" (1909), "Семь смертных грехов" (1918) и альбом офортов (1910—1911). Эти и другие работы — постоянные экспонаты выставок Московского товарищества художников и Союза русских художников.

В 1921 г. Масютин переезжает в Берлин, где много работает в книжной графике, которая могла бы составить целый библиографический том иллюстрированных им изданий. Пушкин и Грибоедов, Л.Толстой и Тургенев, Чехов и Достоевский, Блок и А.Толстой, Ремизов и Пильняк. И конечно же Гоголь. В 1920 г. Штутгартское книгоиздательство Гоффмана выпустило гоголевский "Портрет" с иллюстрациями Масютина и предполагало издать "Нос" с его же рисунками.

¹Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 6. С. 185.

²Гоголь Н.В. Нос. Коляска. Пб.: Лит.-изд. отд. Наркомпроса, 1919.

³Гоголь Н.В. Нос. М.: Светлана, 1921.

⁴Гоголь Н.В. Повести. М.: Худож. лит., 1935.

Но этот замысел был осуществлен издательством "Геликон", основанным в Москве в 1918 г. А.Г.Вишняком. Так случилось, что переезд Масютина в Германию совпал со вторым, "берлинским", периодом деятельности "Геликона" (1921–1923), когда издательство стало особенно популярным. С ним сотрудничают А.Толстой, И.Эренбург, М.Цветаева, Б.Пастернак, А.Ремизов. В 1922 г. Масютин издает там руководство для художников "Травюра и литография", "Рассказы глупца" с автоиллюстрациями и "Нос" Гоголя.

П.Д.Эттингер писал Д.И.Митрохину 12 октября 1922 г.: "...талант, конечно, большой и темперамент сильный. "Нос", по-моему, одна из лучших его книг. Беда, что он слишком быстро творит и за все берется. Но иначе, как он мне писал, он не мог бы прокормить семью"⁵.

Действительно, фантастика Гоголя и kaleidosкопически быстрая смена его образов оказались наиболее близки Масютину. Благодаря богатой фантазии художника фарсовый характер повести, невероятность сюжета блестяще обыгрываются им на страницах книги.

Уже обложка несет в себе некую игру, головоломку, которую так любил загадывать Масютин читателю. Каждая из букв названия несет самостоятельное звучание. Кажется, что "Н" хитро подмигивает, "О" наивно удивляется, "С" разыгралось не на шутку и только "Ъ" серьезно утверждает, что "подобные происшествия бывают на свете, — редко, но бывают".

Та же шарада задается и на фронтисписе книги. Замечательны заглавные буквы трех глав повести. Темпераментный росчерк, почти кинематографичность движения остальных 25 рисунков, удивительных по экспрессии и простоте, говорят о большом мастерстве Масютина-графика. И дело не только в удачном отражении бытовой стороны повести, в точных, порой гротесковых портретах цирюльника и его жены Прасковьи Осиповны, бабы, продающей манишки, штаб-офицерши Подточиной с дочерью и других. Художнику удалось совместить две, казалось бы, несовместимые плоскости рассказа, о которых Ю.Н.Тынянов писал: "Заманчивая перспектива иллюстрировать "Нос" не потому невозможна, что в живописи трудно слияние гротеска с бытом. Но все в "Носе" основано на чисто словесном стержне: запеченный в хлеб *нос* майора Ковалева отождествлен и подменен неуловимым *Носом*, садящимся в дилижанс и собирающимся удрать в Ригу. Схваченный квартальным, он принесен в тряпочке своему владельцу. Всякая иллюстрация должна безнадежно погубить эту игру, всякая живописная конкретизация *Носа* сделает легкую подмену его *носом* просто бессмысленной"⁶.

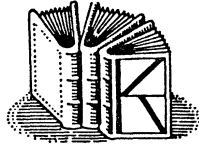
При внимательном "прочтении" рисунков Масютина к повести видно, что художник смог проникнуть в сложный мир гоголевских значений, тем нарушив барьеры категоричности суждения Тынянова (кстати, его статья "Иллюстрации" была написана в год выхода издания "Носа" с рисунками художника). Своей работой Масютин позволил читателю стать соучастником необыкновенных событий, случившихся с 25 марта по 7 апреля "в северной столице нашего обширного государства".

В.Ф.Муленкова

⁵ Книга о Митрохине. Л.: Художник РСФСР, 1986. С. 287.

⁶ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977 С. 312.

"КНИЖНЫЕ РЕДКОСТИ"
Библиотека репринтных изданий

Издательство "Книга"
Москва 1989

Николай Васильевич Гоголь

НОС

Репринтное воспроизведение
издания 1922 года
с иллюстрациями В.Н.Масютина

Ответственные за выпуск:
В.И.Синюков, Ю.А.Поляков

ИБ № 1858 Подписано в печать 24.03.89.
Формат 60х90/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 4,5. Усл.кр.-отг. 5,25. Уч.-изд.л. 2,32.
Тираж 100000 экз. Изд. № 4846. Заказ 227. Цена 1 р.

Издательство "Книга"
125047, Москва, ул. Горького, 50.

Ярославский полиграфкомбинат
Госкомиздата СССР
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Г 4702010101-53 Без объявл.
002 (01) -89

ISBN 5-212-00229-X